

Ю. К. Некрасов

ГОРОДСКИЕ ХРОНИСТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В. О ПРИЧИНАХ И ХАРАКТЕРЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

События Крестьянской войны произвели сильное впечатление и оставили неизгладимый след в сознании современников и очевидцев. Уже между ними развернулась дискуссия о сущности происшедшего, которая нашла отражение и своеобразно преломилась в трудах хронистов конца 20-х и 30-х годов XVI в. Свидетельства хронистов позволяют более полно осветить характер Крестьянской войны и сделать выводы об уровне общественного сознания и отношении к наиболее актуальным вопросам тех общественных групп, которые тем или иным образом приняли участие в бурных перипетиях классовой борьбы.

*

В настоящей статье используются хроники южнонемецких городов¹, освещающие события Крестьянской войны в Швабском районе, труды аугсбургских хронистов Вильгельма Рема² и Клеменса Зендера³, Иоганнеса Кнебеля из Донауверта⁴,

¹ В буржуазной исторической литературе немецкие хроники как источник по истории Крестьянской войны получили оценку в трудах Ф. Шнабеля, А. Штерна, К. Урига (см.: *Schnabel F.* Deutschlands geschichtliche Quellen und Darstellungen in der Neuzeit, Bd. I. Das Zeitalter der Reformation. Leipzig—Berlin, 1931; *Stern A.* Über zeitgenössische gedruckte Quellen und Darstellungen des großen deutschen Bauernkrieges. — In: Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1929; *Uhrig K.* Der Bauer in der Publizistik der Reformationszeit bis zum Ausgang des Bauernkrieges. — AfR, 1936, Bd. 33). В советской историографии см.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, с. 316—358. См. также труды историков ГДР: *Steinmetz M.* Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971; *Bräuer H.* Zur Widerspiegelung des entstehenden bürgerlichen Klassenbewußtseins in den Zwickauer Chroniken des 16. Jh. — SHBl, 1971, H. 3; *idem.* Zur frühen bürgerlichen Geschichtsschreibung in Zwickau im 16. Jahrhundert. — ZfG, 1972, H. 5.

² *Rem Wilhelm.* Cronica der newer geschichten (далее — Rem). — CDS, Bd. 25. Leipzig, 1894.

³ Die Chronik des Clemens Sender von den ältesten Zeiten bis zum Jahre 1536 (далее — Sender). — CDS, Bd. 23. Leipzig, 1892.

⁴ Aus Donauwörter Chronik des Johannes Knebel (далее — Knebel). — In:

Генриха Хуга из Филлингена⁵, материалы, составленные современниками и свидетелями волнений в Иберлингене⁶ и Кемитене⁷.

События Крестьянской войны в Швабии тесно переплетаются с классовой борьбой в ряде кантонов Швейцарии, что вполне оправдывает интерес к швейцарской хронистике XVI в.⁸ Для нашей темы весьма важны базельские хроники Генриха Рейхнера⁹, Конрада Шнитта¹⁰ и анонимного автора¹¹, бернская хроника Валериуса Ансхельма¹² и труд Лаврентия Босхарта из Винтертура¹³.

Особое место среди южнонемецких и швейцарских хроник Крестьянской войны по широте охвата материала и стремлению к его философскому осмыслению занимает «Саббата» Иоганнеса Кеслера из Санкт-Галлена¹⁴. Хроника Кеслера уже давно привлекла внимание исследователей и до сих пор является ценным источником для решения вопроса о происхождении программы Двенадцати статей, о возникновении Христианского объединения, об умеренном и радикальном течении в крестьянском движении. М. М. Смирин назвал ее «единственной хроникой Крестьянской войны, написанной без предвзятой, враждебной крестьянам точки зрения»¹⁵. М. Штейнмец, однако, подчеркивает, что автор «Саб-

Quellen des Bauernkriegs in Oberschwaben. Hrsg. von F. L. Baumann (далее — Baumann. Quellen). Tübingen, 1876.

⁵ Heinrich Hugs Villinger Chronik von 1495 bis 1583. Hrsg. von Chr. Roder (далее — Hug). Tübingen, 1883.

⁶ Aus Jacob Reutlingers Überlinger Collectaneen (далее — Reutlinger). — Baumann. Quellen.

⁷ Aus Fläschutzs Chronik des Stifts Kempten (далее — Fläschutz). — In: Baumann. Quellen.

⁸ О швейцарской хронистике XVI в. см.: Wyss G. Von Geschichte der Historiographie in der Schweiz. Zürich, 1895; Berchtold-Belart J. Das Zwingli-bild und die Züricher Reformationschroniken. Eine textische Untersuchung. Leipzig, 1929; Lötscher V. Der deutsche Bauernkrieg in der Darstellung und im Urteil der zeitgenössischen Schweizer. Basel, 1943; Feller R., Bonjour E. Geschichtsschreibung der Schweiz. Vom Spätmittelalter zur Neuzeit. Basel—Stuttgart, 1962.

⁹ Heinrich Ryhiners Chronik des Bauernkriegs (далее — Ryhiner). — In: Basler Chroniken, Bd. VI. Leipzig, 1902.

¹⁰ Die Chronik des Conrad Schnitt (далее — Schnitt). — In: Basler Chroniken, Bd. VI.

¹¹ Anonymus Reformationschronik (далее — Basler Anonymuschronik). — Basler Chroniken, Bd. VII. Leipzig, 1915.

¹² Berner Chronik Valerins Anshelm genannt Rud von Anfang der Stadt Bern bis 1526 (далее — Anshelm). Hrsg. von G. Stierlin. Bern, 1833.

¹³ Die Chronik des Laurencius Bosshart von Winterthur 1485—1532. — In: Quellen zur Schweizerischen Reformationsgeschichte, Bd. III. Basel, 1905 (далее — Bosshart).

¹⁴ Johannes Kessler's Sabbata. Hrsg. von E. Egli u. R. Schoch. St. Gallen, 1902.

¹⁵ Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955, с. 414.

баты» ставил перед собой задачу защиты социально-политической концепции Цвингли от нападок слева, т. е. со стороны Мюнцера и анабаптистов¹⁶. Поэтому Кеслер, хотя его искреннее сочувствие народным массам не вызывает сомнения, не был выразителем интересов плебейско-крестьянского направления в Крестьянской войне.

Все эти хроники с полным основанием можно называть городскими, так как в их повествовании или преобладают сюжеты из истории какого-либо города, или их авторы рассматривают происходящие события с точки зрения бюргерских интересов. Однако социально-политический облик хронистов различен. Зендер был монахом бенедиктинского монастыря в Аугсбурге, Кнебель — монастыря в Кайзхейме, расположенного недалеко от Донауверта; лицами духовного звания были также кемптенский и базельский анонимные авторы. Рем, Хуг, Рейххнер, Шнитт, Ансхельм и Кеслер принадлежали к различным слоям бюргерства. Штумпф и Босхарт¹⁷ избрали карьеру священников, по их активное участие в реформационном движении в рядах бюргерской оппозиции вполне оправдывает отнесение трудов обоих хронистов к городской историографии XVI в. Рем был выходцем из старинного патрицианского рода Аугсбурга, представители которого энергично занимались торговлей и предпринимательской деятельностью¹⁸; Босхарт — из старинного, но обедневшего патрицианского рода Винтертура. Хуг и Рейххнер¹⁹ занимали должности секретарей городских магистратов Филлингена и Базеля²⁰. Шнитт²¹ был живописцем по профессии, Ансхельм²² — врачом, и оба заседали в городских советах Базеля и Берна в качестве старшин цеховых корпораций, причем Ансхельм работал над хроникой, выполняя официальный заказ магистрата. Кеслер — единственный из хронистов ремесленник — писал свой труд в субботние и воскресные дни²³.

Общественное положение хронистов в значительной мере определяло их отношение к происходившим событиям. Большинство из них описывает события Крестьянской войны с точки зрения интересов родного города. Хроники носят локальный характер,

¹⁶ Steinmetz M. Op. cit., S. 195—196.

¹⁷ Lötscher V. Op. cit., S. 114—115, 133—134.

¹⁸ См.: Некрасов Ю. Г. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV—XVI вв. (По материалам имперского города Аугсбурга). — В кн.: Проблемы германской истории, вып. 1. Вологда, 1971, с. 91—92.

¹⁹ Rvhiner, S. 463.

²⁰ Burger G. Die südwestdeutschen Städteschreiber im Mittelalter. Böblingen, 1960, S. 228, 259, Anm. 45.

²¹ Schnitt, S. 89—90.

²² Schnabel F. Op. cit., S. 233—234; Lötscher V. Op. cit., S. 136—138.

²³ Wegele F.-X. Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus, Bd. I. München u. Leipzig, 1885, S. 288.

но авторы некоторых из них (особенно Кеслер и Рем, в меньшей мере Рейхинер) поднимаются над уровнем «родной колокольни» и дают общую картину событий в германских землях. Пример Рема и отчасти Босхарта побуждает, однако, усомниться в выводе Г. Бройера о строгой обусловленности мировоззрения городских хронистов их социальным положением²⁴. Несомненное влияние на позиции авторов хроник оказали события реформации, а также их вероисповедание.

Зендер, Кнебель, Хуг, кемптенский и базельский анонимы были католиками, Шнитт и Ансхельм — лютеранами, Рем, Рейхинер, Босхарт и Кеслер — цвинглианцами. Рем и с некоторыми оговорками Кеслер могут быть отнесены к радикальным цвинглианцам, Рейхинер и особенно Босхарт придерживались более умеренных взглядов. Некоторые из хронистов приняли активное личное участие в реформационном движении. Кеслер сыграл видную роль в преобразовании церкви на цвинглианской основе в Санкт-Галлене²⁵, Штумпф и Босхарт также были эmissарями цюрихского реформатора. Все эти обстоятельства позволяют выяснить истоки становления лютеранского и цвинглианского направлений в протестантской историографии XVI в.

Для более полной и точной характеристики различных направлений в хронистике XVI в. использован памфлет (лето 1525 г.) одного из идейных вождей феодально-католического лагеря, Иоганнеса Кохлея²⁶, которого М. Штейнмец называет «классиком католической полемики тех дней»²⁷, и хроника альгауского рыцаря Георга фон Вердепштейна²⁸. Сочинения Кохлея и Верденштейна в ряде случаев очень верно передают социально-психологическую атмосферу Крестьянской войны и освободительные настроения, овладевшие широкими массами, и свидетельствуют о необычайно острой идейной борьбе, сопровождавшей формирование католического и протестантского направлений в историографии Крестьянской войны.

Все хроники и другие источники, используемые автором в данной статье, были написаны между 1525 и 1539 гг. под непосред-

²⁴ Bräuer H. Zur frühen bürgerlichen Geschichtsschreibung..., S. 569.

²⁵ Egli E. Schweizerische Reformationgeschichte, Bd. I (1519—1525). Zürich, 1910, S. 345; Lötscher V. Op. cit., S. 158.

²⁶ Eyn kurtzer begriff von auffruren und rotten der baurn in hohem Teutschland... (далее — Cocläus). — In: Baumann. Quellen. Ф. Л. Бауман не напечатал, однако, полностью той части памфлета Кохлея, где производится в форме диалога полемика между автором и Лютером. Этот продел был выполнен публикацией К. Кацеровски (Flugschriften des Bauernkriegs. Hrsg. von K. Kaczerowsky. Hamburg. 1970). О Кохлее см. также: Spahn M. Johannes Coclaeus. Ein Lebensbild aus der Zeit der Kirchenspaltung. Berlin, 1898.

²⁷ Steinmetz M. Op. cit., S. 102.

²⁸ Werdensteiner Chronik. — In: Baumann. Quellen.

ственным впечатлением от только что совершившихся событий, т. е. явились первым опытом осмысления исторических уроков Крестьянской войны.

*

Инициатором полемики с адептами евангелического учения выступил Кохлей, в ряду причин, вызвавших крестьянское восстание, он на первое место поставил конфессиональный момент и отвел Лютеру роль зачинщика и возбудителя мятежа, обвинив реформатора в том, что тот призывал не только крестьян и «подлый люд», но и императора, королей и князей подняться с оружием в руках против папы, кардиналов и католического духовенства «и омыть руки в их крови». «Лютер — единственная причина всех мятежей». «Лживая свобода Лютера», негодует Кохлей, привела к тому, что все люди стали считать себя братьями во Христе в силу одного только акта крещения и заявили, что все должно стать общим, как это принято среди единоутробных братьев. Поэтому все князья по примеру баварских герцогов должны были сжечь книги реформатора и тогда «их крестьяне тоже остались бы спокойными».

Таким образом, Кохлей первым возложил ответственность за кровавые события Крестьянской войны на Лютера²⁹. Это положение вскоре стало общепринятым в хрониках католического направления.

Иоганнес Кнебель заимствует и развивает идеи, впервые высказанные Кохлеем, обвиняя Лютера в том, что последний якобы «поддержал в простом народе греховную любовь к свободе» и подстрекал к мятежу против существующего правопорядка. Кнебелю было прекрасно известно, что Лютер отнюдь не призывал крестьян к восстанию, а, напротив, осуждал их за любые действия против властей и господ. Поэтому католический хронист стремится представить дело таким образом, что Лютер, «возбудив крестьян к мятежу», тут же «написал другую книжонку с воззванием к швабским дворянам и призвал швабских дворян колоть и убивать взбунтовавшихся крестьян во имя спасения от грехов». Следовательно, Лютер был порочным и двоедушным человеком, который вызвал к жизни крестьянское восстание только для того, чтобы подвергнуть избиению и страданиям его участников. Это дает основание Кнебелю разразиться яростной тирадой против «отца всех ересей Мартина Лютера». «О, лживый, ядовитый язык, — негодует хронист, — о ты, великий убийца, погубивший лживым языком великое множество бедных душ» и завершает «полемику» с Лютером ссылкой на авторитет уже известного нам воинствующего католика Кохлея³⁰.

²⁹ Flugschriften..., S. 173.

³⁰ Knebel, S. 249—250.

Идеи провиденциализма, прозвучавшие в труде Кнебеля, достаточно отчетливо выражены и в Филлингенской хронике Генриха Хуга, который называет 1524 г. «годом тревоги и вероломства»³¹. Во всех бедах Хуг видит проявление господней воли. Несчастья, происшедшие с городами и деревнями, с духовенством и мирянами, с дворянами и прочими произошли в германских землях из-за того, что некоторые люди, презрев заповеди госнода, стали действовать по собственной воле³². И этих людей направил по опасному пути мятежа «еретик Лютер».

Точку зрения Кохлея, Кнебеля и Хуга на происхождение Крестьянской войны вполне разделяет и аугсбургский хронист Клеменс Зендер, который также считает Лютера зачинщиком восстания и главным бунтарем, бросившим ядовитое семя в толпу темного плебса, который разнес его по деревням, возбудив к мятежу против господ³³.

Возникает вопрос, какие основания имела католическая историография XVI в. считать Лютера первопричиной и зачинщиком восстания. Вероятно, правы Г. Брендлер и Г. Мюльпфорт, которые указывают на тот факт, что одним из источников, из которого черпали вдохновение самые радикальные и «левые» течения в реформации, были ранние произведения Мартина Лютера³⁴, выступавшего с беспощадной критикой одного из оснований феодального общества — католической церкви. Г. Фессер отмечает, что своей деятельностью Лютер объективно содействовал подготовке Крестьянской войны помимо своей воли и вопреки субъективным желаниям³⁵.

Наглядным подтверждением этого положения может быть интерпретация причин Крестьянской войны анонимным хронистом города Иберлингена³⁶. Он указывает на непосредственную причинно-следственную связь выступления в 1517 г. «окаянного клятв-вопреступника, монаха и закоренелого еретика Мартина Лютера против продажи индульгенций и отпущения грехов» с событиями крестьянского восстания. Размноженные в большом числе сочинения Лютера, заявляет аноним, до такой степени возбудили крестьян, что они, используя новое учение и ложно трактуя Евангелие, поднялись с оружием в руках по всей Германии против установленных богом властей и потребовали освобождения от всех

³¹ Hug, S. 96, 98.

³² Ibid., S. 151.

³³ Sender, S. 182.

³⁴ Brendler G. Reformation und Fortschritt. — In: 450 Jahre Reformation. Berlin, 1967, S. 66; Mülpfort G. Der frühe Luther als Autorität der Radikalen. Zum Luther — Erbe des linken Flügels. — In: Weltwirkung der Reformation. Berlin, 1969, S. 207.

³⁵ Fesser G. Luthers Stellung zur Obrigkeit, vornehmlich im Zeitraum von 1525 bis 1532. — In: 450 Jahre Reformation, S. 167.

³⁶ Reutlinger, S. 509.

отягощений, чинщей, податей, поборов и особенно от личной зависимости. Под знаменем нового учения крестьяне выступили против императора, князей, господ и многих городов. Этому крестьян якобы научил лично сам Лютер и «мастера его секты». Иберлингенский аноним высказал мысль о перманентном характере событий 1517—1525 гг. и о тесной связи событий Крестьянской войны с реформацией.

Баварский канцлер и фактический глава Швабского союза Леонард фон Экк полагал, что именно лютеровская ересь явилась причиной мятежей и страданий простого народа. Экк по существу в полном согласии с хронистами-католиками утверждал, что лютеровские попы подстрекали крестьян к восстанию. Правда, в другом месте канцлер признает, что кроме лютеровской существуют и другие ереси, но все они, по его убеждению, берут начало из евангелического семени, из которого способно произрастать лишь одно древо мятежа³⁷. В дальнейшем сравнение реформационной доктрины Лютера с семенем, из которого якобы произошло восстание и социальная революция, стало общим местом не только в интимной переписке вождей феодально-католического лагеря, но и у всех хронистов католического направления.

Иную трактовку проблема происхождения Крестьянской войны получила у хронистов-протестантов. Лютеровская реформация, постепенно переходившая на службу князьям, имела совершенно особую судьбу в верхнешвабских городах и в наиболее значительных городских центрах Швейцарии. Адепты радикального направления бюргерской реформации вели здесь борьбу не только против папской курии и ее влияния, но и против княжеских властей за установление республиканских институтов. Во всех почти без исключения городах указанных районов революционные события обычно начинались с выступления проповедников, которые, разрушая старые представления, приводили народ в движение. Под влиянием радикально-бюргерских и плебейских элементов удавалось, как правило, свергнуть прежние авторитеты. Так было в Меммингене, Аугсбурге, Нюрнберге, Ульме, Ротенбурге и других городах.

Эта точка зрения, высказанная М. Штейнмцем в обобщающем труде историков-марксистов ГДР³⁸, на наш взгляд, верно отражает одну из особенностей реформационного движения в Верхней Германии и позволяет объяснить, почему хронисты — современники событий придавали такое большое значение деятель-

³⁷ *Vogt W. Die bayerische Politik im Bauernkriege und der Kanzler Leonhard von Eck, das Haupt des Schwäbischen Bundes. Anhang — Die Briefe des Kanzlers Dr. Leonhard von Eck aus der Zeit des Bauernkrieges (далее — Briefwechsel). Nördlingen, 1883, S. 379—381, 393.*

³⁸ *Deutsche Geschichte, Bd. I. Von den Anfängen bis 1789. Berlin, 1965, S. 511—512.*

ности проповедников антикатолической ориентации, ошибочно связывая эту деятельность почти всегда с учением Лютера. Штейнмец не без основания отмечает, что в Верхней Германии наряду с лютеранством широкое распространение получила цвинглианская реформация. В отличие от Лютера Цвингли был представителем радикальных слоев бюргерства. Кушцы и ремесленники были его сторонниками, патриции — противниками. Развитый в его учении культ труда выражал интересы бюргерства. Не божья милость приносит успех человеческому труду, а труд, как таковой, вызывает божью милость. Такое направление цвинглианство приобрело не без влияния на него гуманистических идей. Особый гнев Цвингли обрушил на тиранов-феодалов, которых угрожал устранить из мира с помощью народа, если они не будут жить, опираясь на Евангелие. Причину восстания он видел в ненависти народа к феодальным властям. Выступление Лютера против крестьян Цвингли называл «несвоевременным» и «бешеным». Реформационная доктрина и практическая деятельность Цвингли оказали влияние на формирование в швейцарских и южногерманских городах особого направления среди хронистов-протестантов.

Протестантское направление в историографии XVI в. рождалось в острой и напряженной борьбе сразу на два фронта: против идеологии католицизма и течения народной реформации. В силу этого обстоятельства хронисты-протестанты, с одной стороны, должны были продолжить начатое еще Лютером наступление на позиции католической церкви, с другой — снять со знамени евангелизма «несправедливые обвинения» в возбуждении крестьянско-плебейской революции, что во многом и определило их точку зрения на причины и происхождение Крестьянской войны в германских землях. Все это не означает, однако, что в Южной Германии и Швейцарии не была распространена и не пользовалась популярностью реформационная доктрина Лютера.

Протестанты Валериус Ансхельм и Конрад Шнитт в своих хрониках ориентировались на реформационную доктрину Мартина Лютера и были его сторонниками (свидетельства Шнитта, который не ставит вопрос о причинах крестьянского восстания, имеют очень беглый характер, поэтому мы остановимся на хронике Ансхельма).

Начало Крестьянской войны Ансхельм связывает с религиозным расколом в германских землях, на почве которого появились многочисленные секты (лютеранская, цвинглианская и анабаптистская), быстро увеличивавшие число своих сторонников. Под знаменем евангелической свободы, которое держала в своих руках «мятежная» секта анабаптистов, возглавляемая Томасом Мюнцером, поднялись большие волнения в Саксонии, Швабии и на Верхнем Рейне. Преступная деятельность крестьян, по словам Ансхельма, принесла разрушения и опустошения землям, людям, де-

ревням, замкам, монастырям и особенно духовенству и дворянству³⁹. Таким образом, Ансхельм по существу даже не затрагивает вопроса о положении крестьянских масс, принимая за причину восстания раскол евангелического фронта и деятельность партии Мюнцера, которую дьявол избрал в качестве орудия Страшного суда⁴⁰.

Большой интерес к вопросу о причинах и происхождении Крестьянской войны проявляют хронисты цвинглианской ориентации, что можно объяснить различным социально-политическим содержанием цюрихского и виттенбергского движения. В отличие от Лютера, объявлявшего незбылемым существующий общественный порядок, Цвингли еще в начале 1524 г. утверждал, что «все мятежи, которые сейчас происходят в земном царстве, возникают только из-за отягощений со стороны власть имущих»⁴¹, и считал необходимым проведение преобразований, выходящих за пределы реформы церкви. Позиция реформатора не могла не оказать влияния на его сторонников и последователей.

По мнению Босхарта, Крестьянская война возникла не только как следствие пропаганды евангелической свободы, хотя этой пропаганде хронист отводит решающую роль, но и по причине тяжелейших чиншей и десятин, от которых крестьяне намерены были освободиться, прибегая к насилию. Именно из-за чиншей и десятин «поднялся дикий крик среди общин»⁴².

Значительное внимание этому моменту уделяет в своей хронике Генрих Рейхинер. Он пишет, что по вопросу о причинах происшедшего мятежа существуют несколько точек зрения. Одни связывают его происхождение с запретом «чисто и ясно провозглашать слово божие»; другие считают причиной мятежа проповедников, выводивших из христианского учения не свободу духа, а свободу плоти, из которой возникает непослушание и презрение всех властей; третьи принимают за причину мятежа несправедливость и злобу, которыми запятнала себя большая часть высших сословий и их подданные. Рейхинер полагает, что каждое из этих объяснений имеет определенные основания, но третья причина — главная и из нее проистекают две другие. Следовательно, причину гражданских смут и общественных беспорядков, по его мнению, необходимо искать в самой природе людей. Господь за грехи людей обрушил гнев против них самих же и покарал как тех, кто не признает справедливости и доброты бога, так и тех, кто в ослеплении объявляет святость всего сущего свободной плоти. Важной причиной неслыханного возмущения и мятежа в немецкой нации, по мнению Рейхинера, была деятельность лиц духовного

³⁹ Anshelm, S. 266—269.

⁴⁰ Ibid., S. 274.

⁴¹ Цит. по: *Lötscher V. Op. cit.*, S. 101—102.

⁴² Bosshart, S. 112.

звания, которые запрещали проповедовать простым людям учение Христа. Ради сохранения своих земных богатств католический клир «стеснял Евангелие» и вступил в тесный союз со светскими князьями и властями. При этом преследования адептов евангелической веры со стороны католиков, действовавших заодно со светскими властями, зашли так далеко, что вызвали всеобщее возмущение⁴³. Господь в качестве наказания людям за забвение его заповедей и послал Крестьянскую войну, считает Рейхинер.

Анализ хроники Рейхинера показывает, что ее автор наряду с идейно-политическими мотивами принимает во внимание также и факторы социально-экономического порядка, в том числе условия жизни крестьянских масс. Хронист признает, что «во многих местах простой бедный человек был отягощен сверх всякой меры»⁴⁴ и было бы справедливо оказать ему помощь в облегчении этого бремени.

Аугсбургский хронист Вильгельм Рем склонен видеть перво-причину народных волнений в «попах, которые не разрешили проповедовать слово божие», но, по мнению Рема, чаша терпения народных низов переполнилась в результате несправедливости и тяжелых поборов, и это подняло крестьян на восстание во многих германских землях⁴⁵. Хронист, следовательно, придает важное значение социальному фактору, несправедливости и тяжелому материальному положению простых людей.

С большой обстоятельностью тема Крестьянской войны разработана в труде Санкт-галленского хрониста Иоганнеса Кеслера, который стремится дать ответ на вопрос об «общих причинах всех волнений» и особенно «о причинах возмущения крестьян против своих властей из дворян и господ»⁴⁶. По словам хрониста, милосердный бог, увидев в немецких землях злобу, спесь и обман со стороны папства, обрушился против римской церкви. Кеслер вслед за Рейхинером, как мы видим, хотя и ставит в ряду причин народного восстания стеснение духовной свободы, олицетворением которой в его глазах была евангелическая вера, в то же время признает и факт политического гнета со стороны тиранов — князей и господ, особенно тяжелым бременем ложившегося на плечи крестьянских масс.

Возражая «защитнику папистских заблуждений» Кохлею, Санкт-галленский хронист стремится отвести от евангелических проповедников обвинения в причастности к кровавым событиям Крестьянской войны. Ответственность за эту трагедию Кеслер возлагает не только на тиранов-князей и «мятежных пророков»,

⁴³ Ryhiner, S. 473—474, 495—498.

⁴⁴ Ibid., S. 473.

⁴⁵ Rem, S. 219, 220.

⁴⁶ Johannes Kesslers Sabbata, S. 170.

но и на ученых из католического лагеря, особенно на тех из них, кто получает содержание при княжеских дворах, называя при этом имена Фабера, Экка, Кохлея и Мурнера. Эти ученые, утверждает хронист, заявили, что, если не упразднить и не искоренить лютеровскую ересь и ее проповедников, последние и впредь будут нападать на светские власти. Теологи, горько замечает Кеслер, уподобившись Пилату, оказались в милости князей, больших господ и императора⁴⁷.

Опорой реакции и, следовательно, причиной народного восстания была не только католическая церковь, по и феодальное дворянство, которые в глазах Кеслера составляют единство, угрожавшее общественному благу. Контекст хроники Кеслера не оставляет сомнения в том, что всеобщее недовольство сложившейся системой монастырей и особенно землевладением католической церкви явилось одной из причин, вызвавших к жизни революционные события 1525 г.

Таким образом, в феодальном строе и феодальной эксплуатации следует видеть причину, побудившую крестьян взяться за оружие и обратиться его против угнетателей. В уста вождя балтрингенского крестьянского отряда Ульриха Шмидта Кеслер вложил слова о том, что господа отягощают души и тела крестьян сверх всякой меры, и они, крестьяне, не могут больше переносить таких тягот. Шмидт разъясняет, что духовные отягощения выражаются в преследовании слова божия, откуда возникает величайшая опасность для благочестия; телесные же тяготы так ужасны, что крестьяне, несмотря на все старания, не могут добыть себе пропитания. Отсюда очевидно, что крестьян побудила выступить против господ «большая нужда, бедность и нищета». Когда каждый крестьянин осознал невозможность далее безропотно переносить жестокое угнетение и необходимость изменить свое положение к лучшему, и началась Крестьянская война⁴⁸. Вину за это хронист возлагает на господствующий класс. По его словам, господа не вняли прямому указанию библии, что «царство небесное не от мира сего», и пролитием крови невинных проповедников и ущемлением свободы евангелической проповеди способствовали тому, что народ понял это учение по-своему и решил, что с его помощью можно будет добиться утверждения своих вольностей и справедливости⁴⁹. Итак, мы видим, что для Кеслера в объяснении причин Крестьянской войны материальные условия жизни феодального общества тесно переплетались с мотивами идейной борьбы, которой хронист склонен был придавать решающее значение.

⁴⁷ Ibid., S. 170.

⁴⁸ Ibid., S. 173, 175.

⁴⁹ Ibid., S. 172.

Исследование хроник показывает, что большинство хронистов-католиков связывает происхождение Крестьянской войны исключительно с деятельностью Лютера, в котором они видят «немецкое несчастье» и «причину всех мятежей». Хронисты-протестанты, особенно цвинглианской ориентации, уделяют значительное внимание положению широких народных масс, отмечая в этих массах пробуждение сознания необходимости социального освобождения. Хронисты этого направления вслед за Цвингли проявляют рационалистический подход и к объяснению фактов социальной действительности. Они подвергают резкой критике феодальные порядки и выражают сочувствие тяжелому положению феодально зависимого крестьянства.

Большой интерес представляет оценка самого хода Крестьянской войны хронистами-современниками. Это позволяет составить более ясное представление не только о характере крестьянского движения, но и о той идейной борьбе, в условиях которой происходило осмысление ее исторических уроков.

Еще Иоганнес Кохлей указал на то, что волнения крестьян были направлены против крупнейших немецких духовных и светских князей и уже в силу этого обстоятельства явились посягательством на установленный богом порядок вещей⁵⁰.

Анонимный хронист Кемптенского аббатства пишет, что вскоре после нового года начался большой мятеж, неслыханное возмущение и объединение среди крестьян, которые под прикрытием евангелической свободы поднялись «против своих духовных и светских господ и властей» повсюду, особенно в Альгау, Швабии, затем в Вюртемберге, Франконии, Саксонии, Тюрингии и во многих других местах. Восставшие крестьяне, по словам анонима, намерены были упразднить все власти и особенно духовенство и дворянство, захватывая рыцарские земли и разрушая монастыри. Далее он же категорически утверждает, что изгнание всех личных духовных и светских господ входило в планы восставших, выступавших «против бога, чести и права»⁵¹. Хронист, таким образом, связывает противозаконность действий крестьян с покушением на освященный авторитетом католической церкви социальный и политический строй.

Донаувертский хронист Иоганнес Кнебель также старается убедить читателя, что крестьянское движение было направлено не только против католической церкви и духовенства, но и против светских властей и дворянства. Рассказывая о событиях Крестьянской войны в долине Риза, Кнебель пишет: во время этой войны крестьяне вознеслись так высоко, что пожелали стать дворянами, отказались носить крестьянские тиковые штаны, переде-

⁵⁰ Cochläus, S. 783 f.

⁵¹ Fläschütz, S. 385—386.

лись в дворянские одежды, чтобы их впредь принимали за дворян⁵².

Обращаясь к той же теме социального освобождения, стремление к которому овладело крестьянской массой, Верденштейн рисует, однако, несколько иную коллизию. Крепостные крестьяне этого альгауского рыцаря заявили своему сеньору, что они вообще впредь не желают иметь господ, и попытались осуществить это намерение на практике, подвергнув Верденштейна опале. Рыцарь жалуется, что во время этой опалы никто не смел с ним разговаривать и все крестьяне и слуги от него отвернулись⁵³. Таким образом, альгауские крестьяне в соответствии с учением Томаса Мюнцера выражают стремление низвести дворян до положения простых людей, исключая рыцарские замки из сферы общественных отношений.

К этим оценкам характера событий Крестьянской войны мало что нового добавляет аугсбургский хронист Клеменс Зендер⁵⁴. Отмечая вслед за другими хронистами католической ориентации антифеодальную направленность восстания, Зендер, однако, в отличие от них сразу же акцептирует внимание читателя на враждебном характере крестьянского движения интересам городов. И это вполне понятно, если учесть, что он выражал интересы крайне правой группировки южнонемецкого бюргерства, близкой семейству Фуггеров.

В целом хронисты католической ориентации довольно точно передают антифеодальную направленность крестьянского движения, с особой охотой описывают «злодеяния» повстанцев против католической церкви. В этой связи сошлемся на Кнебеля, по словам которого, мятежные действия крестьян с неистовой силой обрушились на монастыри и церкви. Крестьяне, захватившие монастырь в Анхаузене, разрушили все, что там было, побросали в колодезь книги, перебили иконы святых, «брали своими преступными руками святые дары и выбрасывали их вон, совершая нехристианское своеволие». Они надевали церковные одежды, «презрели святую мессу и вместе с нею все католическое духовенство». Поэтому можно понять удивление хрониста-католика, воображение которого поразило тот факт, что бог немедленно не покарал крестьян за их святотатственные поступки⁵⁵.

Подобного рода факты действительно имели место, и хронисты-католики, субъективно стремясь к «разоблачению» действий восставшего народа и своих оппонентов из евангелического лагеря, рисуют объективно верную картину происходивших событий, что,

⁵² Knebel, S. 256.

⁵³ Werdensteiner Chronik, S. 486, 489.

⁵⁴ Sender, S. 160.

⁵⁵ Knebel, S. 257.

однако, не означает, что их труды не носят тенденциозного характера. Конфессиональные и особенно классовые интересы порою толкают их на путь произвольной интерпретации фактов или даже их фальсификации. Так, например, в отличие от хронистов-протестантов, единодушно осудивших кровавую расправу господской партии над безоружными крестьянами в эльзасском Цаберне⁵⁶, католики делают все возможное, чтобы оправдать действия князей или умалчивают об этой трагедии⁵⁷. Таким образом, хронисты-католики, хотя и отражают в своих трудах антифеодальную природу крестьянского восстания, безоговорочно отвергают его правомерность.

Интересно выявить, каким образом характер Крестьянской войны преломляется в сознании хронистов протестантского направления.

Валериус Ансхельм из Берна рассказывает о Крестьянской войне, которую под именем евангелизма начали в немецких землях крестьяне «против обоих господствующих сословий», т. е. против духовенства и дворянства. Эти действия, по Ансхельму, возбуждали «мятежные пророки», увлекаая народ к бунту и убийствам, разоряя и опустошая земли, деревни, замки, монастыри и церкви. Особенно пострадало во время этой бури духовенство и дворянство. Между тем, продолжает хронист, действия взбунтовавшихся крестьян зашли так далеко, что возникли серьезные опасения, сможет ли кто-нибудь их умиротворить. «Мятежным и злым пророкам» хронист противопоставляет Лютера и его сторонников, которые якобы заблаговременно предупредили о пагубных последствиях возможного мятежа подданных против властей. Ансхельм не скрывает своего презрения и ненависти к восставшим народным массам, называя их «гнусными свиньями»⁵⁸.

Возмущения и мятежи в немецких землях против духовных и светских господ описывает цвинглианец Лаврентий Босхарт, который сожалеет, что прекрасное намерение крестьян жить по Евангелию превратилось в стремление сделать все вещи общими, а людей — братьями и сестрами, имеющими над собой отцом и господином одного только бога⁵⁹. С помощью этих идей, полагает Босхарт, были завоеваны многие люди и земли, разрушено множество монастырей и «могучих замков». Движение крестьян имело дурной исход, ибо в разрез с их первоначальными намерениями илютские интересы возобладали над духом, что и привело к поражению. Происходящие события представляются Босхарту граж-

⁵⁶ Johannes Kesslers Sabbata, S. 183—184; Ryhiner, S. 498—499; Rem, S. 224—225.

⁵⁷ Cocläus, S. 786; Basler Anonymuschronik, S. 280; Hug, S. 122, 132.

⁵⁸ Anshelm, S. 269, 283.

⁵⁹ Bosshart, S. 117.

данской войной, в ходе которой решался вопрос не только и не столько о свободе евангелической проповеди, сколько об отмене феодальных повинностей⁶⁰.

Другому хронисту цвинглианской ориентации, Генриху Рейхину, Крестьянская война представляется событием, происходящим «повсюду в немецкой нации»: простые подданные во многих местах поднялись по собственному произволу, объединились и напали сначала на монастыри, затем на дворянство и, наконец, на власти. Рейхинер вслед за Босхартом утверждает, что предприятие крестьян с самого начала носило непристойный характер, так как они прежде всего стремились лишь к свободе плоти и освобождению от бранных трудностей, а не искали божьей чести и любви ближнего. Понимая свободу как освобождение плоти, вожди крестьян сделали своими сообщниками и некоторых простых людей, которые якобы не поняли их скрытого замысла, что в конечном счете нанесло непоправимый ущерб тем же простым бедным людям⁶¹. Рассуждения хрониста о характере событий Крестьянской войны показывают, что он поддерживает крестьян в их борьбе за новую веру и реформу церкви, но осуждает за насильственные действия и попытки с их помощью добиться улучшения своего материального положения.

Решая вопрос о происхождении Крестьянской войны, по мнению Кеслера, «в первую очередь необходимо принять во внимание собрание и возмущение крестьян в Швабии против дворян и Швабского союза». О характере начавшегося движения можно судить, по его же словам, по тому факту, что крестьяне, восставшие на территории между Аугсбургом и Меммингеном, причинили значительный ущерб духовенству и дворянству, захватили и сожгли большое число замков. Этот ущерб, по данным Кеслера, исчислялся десятками тысяч гульденов⁶². И нужно сказать, что хронист, антифеодальные настроения которого не вызывают сомнения, к насильственным акциям и покушению «на чужие состояния» относится с осуждением. Следовательно, неприятие насильственного характера крестьянской революции свойственно этому цвинглианцу.

Изучение хроник позволяет сделать вывод, что хронисты католического направления отвергают самую идею выступления народных масс против «установленного богом порядка» и любую подобного рода акцию рассматривают как действие «против бога, чести и права». Хронисты протестантского направления, порою признавая закономерность и неизбежность крестьянских восстаний, в то же время осуждают насильственные действия народных масс.

⁶⁰ Ibid., S. 109—111.

⁶¹ Ryhiner, S. 472—473.

⁶² Johannes Kesslers Sabbata, S. 173, 195.

Единственное исключение составляет, пожалуй, хроника Вильгельма Рема.

Аугсбургский хронист рассказывает о том, как восставшие крестьяне сожгли два замка, принадлежавшие Концу фон Ритхейну, а самого рыцаря захватили в плен и «по праву войны» потребовали за него крупный денежный выкуп. Хронист оправдывает их действия, так как этот дворянин, как, впрочем, и его отец, по словам Рема, очень жестоко обращался со своими крестьянами. В хронике Рема мы вообще не находим слов осуждения восставшего народа. Симпатии хрониста на стороне угнетенных масс. Таким образом антифеодальное движение крестьянских масс пользовалось сочувствием радикально-бюргерской оппозиции, настроения которой выражал аугсбургский хронист. Но и Рем не признает народное восстание единственным средством улучшить несправедливый, по убеждению хрониста, общественный порядок⁶³.

Острые разногласия между представителями различных направлений в историографии XVI в. возникли в трактовке вопроса о крестьянских требованиях и программах. Эти разногласия были отражением идейно-политической борьбы, в условиях которой совершались события Крестьянской войны. Хронисты-католики дают негативную оценку всем крестьянским программам и осуждают любые требования крестьян. Поэтому не удивительно, что они в неверном свете представляют и конечные цели народного движения.

Так, анонимный хронист объявляет программой деятельности восставших крестьян Кемитенского аббатства их стремление «не иметь больше личных господ, не давать рент и оброков, по собственной воле и усмотрению устанавливать власти и никого не иметь [над собою], кроме бога и императора»⁶⁴. Подобная точка зрения абсолютизирует одну из тенденций крестьянского движения и имеет в виду не столько то, что было на самом деле, сколько то, что представлялось господской партии наиболее опасной и грозной перспективой развития событий.

Хронисты-протестанты в оценке программных требований крестьян находились под большим влиянием реформационных доктрин Мартина Лютера и Ульриха Цвингли, а также учений и деятельности вождей и адептов течения народной реформации⁶⁵.

⁶³ Rem, S. 223.

⁶⁴ Fläschütz, S. 379.

⁶⁵ Позиция Лютера и его отношение к крестьянским требованиям в достаточной степени исследованы в марксистской историографии. См.: *Смирин М. М.* Народная реформация Томаса Мюнцера, с. 340—341 и др.; *оп. же.* Лютер и общественное движение в Германии в эпоху Реформации (к 450-летию немецкой реформации). — В кн.: Вопросы научного атеизма, вып. 5. М., 1968; *Smirin M. M.* Über den Charakter der lutheri-

Особенно сильное влияние концепция Лютера, как известно, оказала на бернского хрониста Валериуса Ансхельма, по словам которого, составляя программу Двенадцати статей, крестьяне хотели освободиться с помощью бога от повинностей, противных богу и природе. Хронист, осуждая намерение крестьян, все же вынужден признать, что среди этих статей «некоторые так справедливы, что могут быть приняты во внимание богом и миром», имея в виду, во-первых, те из них, что требуют свободы проповеди Евангелия, во-вторых, некоторые из статей, указывающие на телесные тяготы. Подчеркивая последнее положение, Ансхельм ссылается на слова Лютера о необходимости изыскать средства, которые позволили бы бедному человеку иметь пропитание. Однако, заявляет Ансхельм, разделяя точку зрения Лютера, составление программы нужно считать богопротивным предприятием, ее автор уподобился мятежному пророку, возбудившему и умножившему мятежи, прикрываясь именем господа. Между тем отношения между господами и крестьянами должны основываться, как учил Лютер, «на добром согласии, а не на насилии...»⁶⁶ Иначе наказания достойны обе стороны. Таким образом, суждения бернского хрониста о программе швабских крестьян противоречивы, поскольку в них признание справедливости ряда требований сочетается с неприятием правомерности каких-либо претензий подданных к властям. Но все же очевидно стремление хрониста выйти за пределы прокрустова ложа лютеровской догматики и выразить необходимость проведения хотя бы умеренных реформ с целью улучшения положения крестьян.

Другой сторонник и последователь Лютера, Конрад Шнитт, ограничивается кратким замечанием о намерении всех восставших крестьян упразднить любые власти, отказаться давать господам чинши, десятины и другие поборы, срыть стены городов и замков⁶⁷. В данном случае Шнитт, как и представители католического направления в историографии XVI в., абсолютизирует конечные цели крестьянского движения и представляет их в неверном свете.

Ряд швейцарских и южноамериканских хронистов находился под влиянием реформационных идей Цвингли, который в отличие от Лютера поддерживал некоторые требования крестьян и из тактических соображений рассматривал крестьянское движение в пограничных с Швейцарией землях в качестве союзника в осуществ-

schen Konzeption Zweier Ordnungen und Zweier Rechtsphären. — In: Weltwirkung der Reformation. Berlin, 1969; Deutsche Geschichte, Bd. I. S. 511—512 u. a.; Zschäbitz G. Martin Luther. Grösse und Grenze, T. I (1483—1526). Berlin, 1967, S. 195—199.

⁶⁶ Anshelm, S. 270, 273—274, 278,

⁶⁷ Schnitt, S. 124.

влении собственных политических планов⁶⁸. Недостаточная последовательность самого Цвингли и магистрата Цюриха при проведении аграрной политики и колебания в осуществлении курса на поддержку крестьянских выступлений в южногерманских землях соответствующим образом преломилась в трудах тех хронистов-протестантов, которые ориентировались на теологическое наследие Цвингли.

Базельский хронист Генрих Рейхинер излагает содержание программы Двенадцати статей и местные требования крестьян⁶⁹. Давая общую оценку крестьянским требованиям, он утверждает, что в Двенадцати статьях крестьяне желают не только исцеления духа, но и утверждения свободы плоти⁷⁰, между тем как всем христианам завещано пребывать в послушании и жить в страданиях и ни при каких обстоятельствах не прибегать к отмщению с помощью насилия.

Таким образом, в оценке требований и целей крестьянского движения очевидны черты сходства у лютеранина Апсхельма и цвинглианца Рейхинера, точки зрения которых на сущность крестьянских программ носят дуалистический характер, так как они провозглашают принцип религиозной духовной свободы и по существу отвергают этот принцип в светских делах. Совпадение точек зрения Апсхельма и Рейхинера нельзя признать случайным явлением, ибо основой мировоззрения того и другого служат принципы бюргерской реформации.

«Саббата» Иоганнеса Кеслера занимает особое место среди источников по истории Крестьянской войны. Высокую оценку этой хронике, как уже отмечалось выше, дает и М. М. Смирин, хотя и отмечает, что это «не хроника в подлинном смысле слова, а весьма субъективная интерпретация событий», так как ее автор был современником, но не свидетелем описываемых событий, получая о них весьма предвзятую информацию от адептов учения Цвингли и составителей программы Двенадцати статей Кристофа Шампелера и Себастьяна Лютцера⁷¹.

Прежде всего отметим, что Кеслер выражал интересы той радикальной группировки южнонемецкого и швейцарского бюргерства, которая стремилась к установлению контактов с крестьянским движением, поскольку последнее соответствовало антифео-

⁶⁸ См.: Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера, особенно гл. V; Bergsten T. Balthasar Hubmaier und seine Stellung zu Reformation und Taufertum 1526—1528. Kassel, 1961.

⁶⁹ Ryhiner, S. 491—495.

⁷⁰ Ibid., S. 498.

⁷¹ Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера, с. 427. Мы не вполне разделяем мнение М. М. Смирин, что «Саббата» была единственным нарративным памятником того времени, проникнутым духом искренней симпатии его автора к крестьянам. Элементы сочувствия к крестьянам можно найти и в хронике Рема,

дальным настроениям самой этой группировки. Недостаточная зрелость радикально-бюргерской оппозиции проявилась в ориентации движения на мирную тактику и переговоры с господами и в отрицании вооруженного восстания в качестве формы политической борьбы. Поэтому не случайно Кеслер поддерживает Шаппелера, который, исполняя обязанности городского проповедника в Меммингене, опирался в своей деятельности на тексты Ветхого и Нового завета и призывал «воздействовать на господ не насилием с мечом [в руках], а с любовью и дружбой»⁷². Но в то же время не вызывает сомнения, что он признает и одобряет программу Двенадцати статей. Более того, Кеслер подвергает резкой критике Лютера и Меланхтона, которые, по его словам, «так сильно заострили перья против крестьян, что уподобились кровожадным пророкам». Удовлетворение ряда требований крестьян представляется Кеслеру настоятельно необходимым, и он с явным одобрением рассказывает о проведенной в Цюрихе секуляризации церковных имуществ, после которой «следовало по справедливости упразднить чинши и десятины».

Появление программных требований крестьян в ряде кантонов Швейцарии Кеслер связывает с судьбами крестьянского движения в германских землях. Как только повсюду, пишет хронист, крестьяне стали предъявлять властям свои жалобы, подданные санкт-галленского аббатства постановили, что следовало бы отменить повинности, которые до сих пор без достаточных оснований возлагаются на них аббатом: одновременно они стали с неохотой вносить чинши, десятины и пасхальных куриц, отказываясь давать некоторые из этих поборов впредь до особого решения. Далее Кеслер пишет, что санкт-галленские крестьяне стремились не только к восстановлению своих прав на земли альменды, но и требовали отмены всех чиншей и десятин. Под давлением обстоятельств, т. е. нажима со стороны крестьян и опасного развития событий в соседних германских землях, аббат Франциск фон Гайсберг согласился отменить малую десятину сроком на один год. Но как только пришла весть, что крестьяне Озерного края и в других местах разбиты, аббат стал принуждать «своих крестьян вернуться в прежнее состояние»⁷³. В тех случаях, когда речь шла об отмене личной зависимости, об удовлетворении насущных нужд крестьянства и об улучшении его материального положения, симпатии хрониста, несомненно, на стороне крестьянских масс. Но Кеслер не был единственным хронистом протестантского направления, выразившим искреннее сочувствие крестьянам. В этом убеждает знакомство с хроникой Вильгельма Рема.

⁷² Johannes Kesslers Sabbata, S. 176.

⁷³ Ibid., S. 176, 195—196.

Крестьяне, пишет Рем, составили множество статей, перечислив свои жалобы и требования, часть из них была передана на рассмотрение Швабскому союзу⁷⁴. Рем дает краткое изложение этих статей, которое является уникальным источником, так как еще издателями хроники было установлено, что крестьянская программа в интерпретации хрониста не находит аналогии ни в одном из известных документов того времени и является своеобразным симбиозом знаменитой программы Двенадцати статей и жалоб крестьянских общин, в частности деревни Тиген в альгауской сеньории Реттенберг⁷⁵. На основании текста хроники вполне возможно предположить, что Рем включил в программу те крестьянские требования, которые, по его убеждению, необходимо было удовлетворить.

Программа Рема прежде всего содержит реформационные требования (ст. 1—10): секуляризацию церковных имуществ и их передачу светским властям, отмену духовной юрисдикции и требование светского суда для лиц духовного звания в светских делах, в том числе уголовных, запрещение духовным лицам вообще заниматься светскими делами, установление для духовенства обязанности платить земский побор и военный налог наравне с лицами светского звания. Ряд статей посвящен деятельности приходских священников и сельской церкви. Программа настаивает на назначении миром опытных священников в возрасте не моложе 40 лет и запрещает лишать их должности по произволу властей, но требует отстранения священников, имеющих пребенды за пределами своего прихода. Одна из статей требует отменить плату за совершение церковных обрядов и таинств. Эти статьи, несомненно, обязаны своим происхождением реформационной доктрине Цвингли и переносят бюргерский принцип «дешевой церкви» на организацию церкви в деревне.

Другая группа статей (12—14, 20) предусматривает отмену платежей и поборов, вытекающих из института личной зависимости. Этими статьями упраздняется посмертный побор, взносы за вступление в наследство, провозглашается свобода заключения браков и право покидать сеньорию по личному желанию. В отличие от программы Двенадцати статей у Рема не сформулировано требование отмены личной зависимости, однако ликвидация связанных с ней повинностей подрывала материальную основу этого института и делала неизбежным его исчезновение.

Отмена указанных платежей должна была существенным образом улучшить экономическое положение крестьянских масс. Этой же цели служили требования, направленные на восстановление прав крестьянских общин на земли альменды (ст. 18 и 19).

⁷⁴ Rem, S. 221.

⁷⁵ Ibid., Anm., 3, 4; S. 221—223.

Сюда же следует отнести ст. 16, которая требует не отягощать поборами недвижимое имущество крестьян сверх того, что установлено старым обычаем. Этот пункт, созвучный ст. 8 программы Двенадцати статей, содержит протест против феодальной реакции в деревне и предполагает снижение ренты за счет упразднения экстраординарных поборов.

Реализация требований ст. 11 и 21—23 должна была содействовать укреплению связей крестьянских хозяйств с рынком. Ст. 11 отменяет конвойные деньги, заявляя, что каждый человек — хозяин своей страны и обладает правом свободы передвижения. Ст. 21 предусматривает отмену права феодального сеньора на товары, выброшенные на территории его владений во время кораблекрушения или упавшие с воза во время проезда по суше. Ст. 22 запрещает взимание пошлин и поборов со съестных припасов. Одновременно ст. 23 запрещает сеньорам продавать лес, вино, зерно и проч. Отсюда очевидно, что автор или, точнее, компилятор программы ориентируется на установление тесных контактов городского рынка не с господскими, а с крестьянскими хозяйствами. Ст. 17 ограничивает сеньориальную юрисдикцию обычным правом Реттенберга, записанным еще в 1434 г., что должно было оградить крестьян от проявлений феодальной реакции и укрепить их экономические и социальные позиции.

Изучение крестьянской программы в интерпретации Рема показывает, что она была составлена рукою человека, заинтересованного в ослаблении и даже подрыве системы феодальных отношений в деревне и по этой причине выражающего сочувствие целям и задачам крестьянского движения. Позиция Рема в крестьянском вопросе отнюдь не была продиктована альтруистическими соображениями, хотя он и высказывает свое сочувствие к крестьянам. «Если бы каждый богач, — пишет хронист, — поставил себя на место бедных крестьян, то признал бы, что большинство из них невиновно»⁷⁶. В первую очередь Рем видит в крестьянских массах естественного союзника в борьбе с ненавистным хронисту феодальным режимом и руководствуется в своем отношении к ним трезвым расчетом. Рем оправдывает крестьянское движение, с одобрением относится к его целям в борьбе с феодальным режимом, считает справедливым и поддерживает ряд крестьянских требований.

Данные хроник о крестьянских программах и отношение их авторов к этим документам показывают, что хронисты-протестанты выражали сочувствие крестьянскому движению, оправдывали требования отмены ряда феодальных повинностей, особенно тех из них, которые были связаны с крепостным состоянием крестьян. Выражая интересы и настроения радикально-бюргер-

⁷⁶ Rem, S. 227.

ской оппозиции, хронисты проявляют большую осторожность, формулируя допустимые пределы уступок крестьянам. Хронисты поддерживают то направление в движении народных масс, которое ставило своей задачей ликвидацию или подрыв института феодальной собственности, но они же по вполне понятным причинам выступают против уравнительных тенденций движения. Леопхард фон Экк в одном из писем во время Крестьянской войны верно заметил, что «многие города охотно поддерживали бы (восстание крестьян против господ. — Ю. Н.), если бы они не опасались за свои состояния»⁷⁷. Очевидно, что бюргеров «за свои состояния» заставляла опасаться не столько деятельность авторов Двенадцати статей в цвинглианской партии, сколько призывы адептов течения народной реформации к разделу имуществ. Поэтому хронисты протестантского направления, особенно хронисты цвинглианской ориентации, проявляют такой интерес к различным течениям в крестьянском движении и одобряют деятельность только тех из них, которые придерживались мирной тактики и выступали за смягчение и упразднение ряда феодальных повинностей на правовой основе, но не ставили под сомнение самый принцип собственности.

⁷⁷ Briefwechsel, S. 381.